

Андрей Маруденко и Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

Андрей Маруденко – политический консультант, общественный деятель, публицист, Москва.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – собиратель произведений искусства и меценат мирового уровня, автор многочисленных публикаций в русских изданиях за рубежом и в России. Участвовал в создании Музея личных коллекций при ГМИИ им. А. С. Пушкина – в 1987 году передал в дар 80 произведений русской графики из своего собрания. В 1994 году передал музею в дар коллекцию фарфора первой трети XX века. Библиотеку в 3 200 томов и часть фотоархива передал Дому русского зарубежья в Москве, часть своих архивных документов передал Российскому государственному архиву литературы и искусства.

В 2013 году Лобанов-Ростовский перевёз в Ростов свыше 1 000 предметов XVII–XXI веков: гравюры и эстампы русских и западных художников XVIII – первой половины XIX века, картины, акварели и рисунки XIX–XX веков, в том числе художников-эмигрантов, а также старинные карты России и Европы, коллекцию афиш выставок русских художников конца XIX – начала XX века, изданных в пяти разных странах мира в последние три десятилетия, архивы Лобановых-Ростовских, Вырубовых и других семей, отражающих жизнь русской эмиграции во Франции, Болгарии, Германии, США, включающих в себя переписку, фотографии, паспорта, дипломы, удостоверения, грамоты, свидетельства.

БЕСЕДА О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ И ПРЕДПОЧТЕНИЯХ КНЯЗЯ

Из книги «Диалоги с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским», 2022

– Никита Дмитриевич, из большинства видных деятелей русской эмиграции, кого я знаю, **Вы единственный, кто хорошо владеет советскими языковыми оборотами и советскими шутками.** Понятно, что это следствие того, что **Вы часто бывали в СССР, но кроме общения с людьми Вы, может быть, смотрели советские фильмы и читали советские книги?**

– Нет, я не смотрел советских фильмов, ибо кино для меня как минимум на третьем месте моих сценических увлечений, после балета и оперы. Я редко хожу в кино. Про фильм «Семнадцать мгновений весны» я услышал только два года тому назад. Анна Тихонова, обнаружив, что я не знаю о Штирлице, подарила мне диск этого шедевра – результат удивительного актёрского мастерства Вячеслава Тихонова и таланта женщины-режиссёра Татьяны Лиозновой. Сочинения Ильфа и Петрова про Остапа Бендера я читал, как и читал Алексея Толстого, Шолохова и всё, что заставляли изучать в болгарской школе, как, например, басню о Павлике Морозове и трагическую историю о Зое Космодемьянской. Речь идёт о 1946–1954 годах, когда я имел возможность познакомиться с шедеврами советской культуры. Затем с 1955 до 1998 года, живя на «гнилом» Западе, я был «лишён» знакомства с выдающимся советским кино и литературой.

– **Анекдоты советские Вы же знали?**

– Да, ибо анекдоты были частью светских встреч с советскими служащими – на обедах и ужинах, после переговоров. А также и на встречах с некоторыми знакомыми, которые себе позволяли рассказать анекдот, взамен выражения собственного мнения об окружающей действительности.

– Интересно узнать Ваше мнение насчёт того, как советская культура, несмотря на колоссальный идеологический разрыв с дореволюционной русской традицией, сохранила многие виды искусства на пике возможного, как, например, ваш любимый балет, который всегда был явлением мировым?

– Балет за 70 лет советской власти остался качественным благодаря педагогам, которые сохранили традиции. Плюс решение Сталина, что надо беречь эталоны балета, театра и оперы для рекламы за рубежом культурных достижений СССР.

– **Что Вы ещё можете выделить из культуры советского периода? Русский авангард?**

– Да, русский авангард, родившийся ещё до 1917 года, оставил след в мировом искусстве. Беспредметная живопись стала частью новой революционной культуры второй половины 1910-х и первой половины 1920-х годов. С уходом Ленина и Луначарского она постепенно умирала. Доклад Жданова 1934 года о соцреализме положил ей конец.

– **Что-то ещё можно назвать значительным русским вкладом в мировое искусство 20-го века?**

– Конечно, русская театральная живопись периода 1914–1930 годов имеет статус мирового инноватора в искусстве. Необычные творения на сцене, новые подходы к театральной живописи начались с Дягилевских сезонов в Париже в 1909 году и затем развивались параллельно с достижениями в беспредметной живописи, которая возникла накануне революции большевиков. Жданову удалось загасить и эту блестящую вспышку русской сценографии. Подобная участь была уготована и советским плакатам, которые, усвоив инновации и достижения Тулуз-Лотрека в области афиш, создавали легко воспринимаемые образы, которые были понятны «доблестным советским трудящимся». И это выдающееся художественное явление умудрились также добить в 1934 году. Достижения в музыке и литературе в советские времена имеют корни в дореволюционной России и продолжали развивать эти традиции вплоть до 1930-х годов. Сталин был любителем театра, литературы и музыки. Он знал о колоссальном успехе русских композиторов и писателей, проживающих за рубежом. И ему удалось заманить Прокофьева обратно в СССР. Вместе с Эйзенштейном они создали незабываемые талантливые кинофильмы.

– **В настоящее время что из российской культуры Вы бы могли выделить?**

– Увы, я не знаком с современной русской литературой, музыкой и кино. Некомпетентен дать вам ответ. Балет в Большом театре и Мариинском – в затишье. О руководителях обоих театров создаётся впечатление, что они не чувствуют, не понимают тонкости балета и оперы. Мне неинтересно ходить на их спектакли. Зато исполнения симфонических концертов в Мариинском театре Санкт-Петербурга и в Московской филармонии – на высшем уровне.

– **Вы сказали про затишье в балете. Что не так, на Ваш взгляд?**

– Складывается впечатление, что ни у директора Большого, ни у руководства Мариинского нет нужного образования. Нет чутья, понимания качества и требований к балету. Мне непонятно их отношение к развитию талантов и распределению ролей в спектаклях.

– **Никита Дмитриевич, хочется продолжить с Вами разговор о культуре и искусстве, но не о живописи – об этом Вы много говорили. Скажите, насколько западный высший класс ориентирован на классическое искусство?**

– Несомненно, классическое искусство элитарно. Часто выступления артистов, чтецов и музыкантов, преданных классической традиции, оплачиваются весьма скудно или вообще не оплачиваются. Классическое искусство не востребовано массами. Поэтому большинство его институтов, таких как музеи, балет, оркестры и концертные залы, субсидируются государством. В разных странах – в разных пропорциях, там, где государства сознают, что классическая культура является необходимостью для нации.

В США ситуация коренным образом отличается от других стран. В Штатах частные пожертвования на культуру превышают государственный бюджет, на неё выделенный. Метрополитен-музей в Нью-Йорке зарабатывает очень успешно на торговле репродукциями из своего собрания. И достигает выручки в 20 процентов от расходов музея. 50 процентов от годовых расходов оплачивается городом как совладельцем музея. Остальная часть бюджета покрывается корпоративными и частными пожертвованиями – из элиты Нью-Йорка. Метрополитен-опера, как и все остальные оперные театры, существует на дотации элиты.

– **Можно сказать, что любовь к классическому искусству является сущностным элементом высшего класса в целом?**

– Если рассматривать европейский высший класс, то любовь к классическому искусству является частью его мировоззрения. Такое восприятие – результат домашнего окружения и обучения в частных школах, где до сих пор всё ещё преподают предметы, глубоко знакомящие с классической культурой, в отличие от бесплатных государственных школ.

– **То есть условный или настоящий лорд Ротшильд или среднестатистический член клуба Whites, как правило, живёт в пространстве высокого искусства, или это не обязательно?**

– Лорд Якоб Ротшильд живёт в окружении выдающихся произведений искусства в своём замке Ваддесдон. Так, в его спальне, как я уже упоминал, висит эскиз Леона Бакста к Синей султанше для балета «Шахерезада» на музыку Николая Римского-Корсакова, поставленного в 1910 году Михаилом Фокиным для «Русских сезонов» Сергея Дягилева. К средним членам клуба Whites относятся современные «помещики», немного промышленников и «купцов», – большинство из них живут в пространстве высокого искусства.

– **Откуда у Вас любовь к классической музыке? Из семьи?**

– Да, любовь к классическому искусству у меня благодаря семье. Мой дед Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, имевший придворное звание камер-юнкера, занимавшийся большой хозяйственной деятельностью, ведавший казёнными конными заводами Российской империи, был ещё и скрипачом. Играл на скрипке Страдивари. Его любимым композитором был Чайковский. С раннего детства я привык слушать его ежедневную игру на скрипке. Я на его мотив пел в пятилетнем возрасте: «Терен теренится, а его мать бранится».

– **Когда Вы начали сознательно слушать классическую музыку?**

– Классическую музыку я впервые сознательно услышал, когда мне было пять лет. Родители взяли меня с собой на оперу Сметаны «Проданная невеста». В скором времени после этого они отвели меня на оперу Верди «Аида». А затем, со временем, будучи юношей, я регулярно посещал оперу и балет, по крайней мере раз-два в неделю. В коммунистической Болгарии лучшее место в оперном театре стоило столько же, сколько и билет в кино, – культура была открыта достойным «голодранцам».

– **Если говорить о музыке, какие Ваши любимые произведения? Что в них особенно впечатляет?**

– Среди моих любимых концертных музыкальных произведений – то, что я чаще всего слушаю, – это Бах и «Реквием» Моцарта. Независимо от того недостатка, что это произведение Моцарт не успел закончить, его музыкальный диапазон чувств настолько глубок, что они затрагивают во мне все зоны звуковых ощущений. 2-й концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова – я ненасытно восхищаюсь его самой богатой палитрой звуков среди другого музыкального репертуара. 1-й концерт для фортепиано с оркестром Прокофьева – его необычные ритм и мелодика меня пленили. Отзвуки этого концерта мы слышим в балете «Ромео и Джульетта», который я ставлю третьим среди самых любимых мною произведений.

– **Среди пианистов, скрипачей и дирижеров кого Вы любите более всего?**

– Среди пианистов, которых я знал и слушал в США и Европе, я ставлю Владимира Горовца на первое место за его музыкальность и узнаваемую интонацию. Я дружил с его дочерью Вандой в Нью-Йорке. Далее – Артур Рубинштейн, с его чувствительностью и неподражаемым мастерством исполнения музыки Шопена. С ним я познакомился у герцогини Марины Кентской. Я навещал её дочь Александру в Кенсингтонском дворце, бывая на вечерах, на которых иногда играл Рубинштейн.

Если говорить о скрипачах, то в Нью-Йорке мне удалось услышать Давида Ойстраха и Яшу Хейфеца. В доме Натана Мильштейна я познакомился со своей будущей супругой Ниной. В 1925 году, с разрешения Троцкого, Горовиц и Мильштейн выехали из СССР на гастроли и не вернулись.

Из дирижёров – Герберт фон Караян остаётся незабываемым благодаря своей музыкальности, качественности и чистоте исполнения. Он за десять лет превратил хор Софийской оперы в самый качественный в мире, выступающий во всех лучших концертных залах Европы. Артуро Тосканини и Валерий Гергиев мне всегда доставляют огромное удовольствие своими безупречными и индивидуальными подходами к трактовке партитур.

– **Никита Дмитриевич, Вы очень любите балет. Кто из исполнителей балета для Вас являются лучшими среди тех, кого Вы видели?**

– Эрик Брун в роли Альберта в балете «Жизель». Как ‘danseur noble’ (премьер-балетмейстер, демонстрирующий мастерство и благородство танца) он уникален среди коллег за последние семьдесят лет. Нуреев в него влюбился, поражённый его талантом. Далее – сам Нуреев в роли Армана в балете «Маргарита и Арман» на музыку Листа. Исполняя эту роль вместе с партнёршей Марго Фонтейн, он олицетворял драму страсти, чувствительности, со всем мастерством танцовщика.

Конечно, Владимир Васильев в роли Спартака, Екатерина Максимова в роли Фригии, Марис Лиена в роли Краса – в балете «Спартак» на музыку Хачатуряна. Наталия Осипова в роли Китри и Иван Васильев в роли Базиля в балете «Дон-Кихот» Минкуса. Михаил Барышников в балетах Баланчина. Марго Фонтейн в роли Джульетты вместе с Нуреевым в роли Ромео в постановке Кеннета Макмиллана. Николай Цискаридзе в «Щелкунчике».

– **Разумеется, нельзя обойти здесь вопрос про оперных певцов и Ваши предпочтения.**

– Не могу дать глобальную оценку отдельно какому-то голосу, могу выразить мнение о голосе в контексте роли в определённом спектакле. Из тех, на чьих выступлениях я присутствовал, запомнилась Мария Калас в драматической роли Тоски вместе с Тито Гоби в роли Скарпиа. Её бархатный и безупречный голос сочетался с талантом драматической актрисы. Подобные качества были и у Гоби. Он полностью погружался в роль жестокого и сильного жандарма, чему соответствовал тембр его голоса и телосложение. На вечере у моего дяди Николая Васильевича Вырубова в Париже он пел возле окна в гостиной – стёкла звенели от мощи его голоса.

К своим предпочтениям отнесу и роли Анны Нетребко. Её исполнение роли Мюзетты в опере Пуччини «Богема» незабываемо. Владимир Моторин в роли Бориса в опере «Борис Годунов» Мусоргского – в предыдущей постановке Большого театра. Его мощный и мелодичный голос сочетается с талантом изумительного драматического выражения эмоций. Более всего напоминает Шалапина в этой роли. Дмитрий Хворостовский. Он был совершенен в роли Онегина. Его выступление с Рене Флеминг в роли Татьяны неизгладимо из памяти.

Вспоминается история, как однажды мы с Дмитрием Хворостовским одновременно подъехали к воротам Букингемского дворца, на банкет, который королева дала в честь президента Путина. Все гости были во фраках, кроме Дмитрия, который был одет в необычный «театральный» пиджак, без белого галстука. Кстати, Растропович тоже был не во фраке, а в чёрном пиджаке без воротника, но с множеством пуговиц – на китайский манер.

– **Большое спасибо за столь интересную беседу.**

